

У Цзянмяо ленивой походкой направился в туалет, справил нужду, умылся и только после этого вышел.

На нём были шорты до колен и обнаженный торс, а шлёпанцы при ходьбе издавали шаркающие звуки.

Мужчина уже с трудом приподнялся сам и молча смотрел на него.

У Цзянмяо откинул назад мокрую чёлку и приподнял брови, глядя на выпрямившегося на диване мужчину.

— Ты в порядке?

— ... — Похоже ли было, что он в порядке?

— Проснись ты чуть позже, застал бы моё холодное бездыханное тело.

— Хм, ещё шутить можешь, значит, и правда всё в порядке. — У Цзянмяо подошёл, сел рядом с ним и извлёк из выдвижного ящика под журнальным столиком пачку сигарет и зажигалку.

Он вытащил сигарету, зажал её в зубах и уже собирался чиркнуть зажигалкой, но, заметив взгляд мужчины, на мгновение замер.

Вытащив сигарету изо рта, он спросил:

— Будешь?

У мужчины было поистине сложное выражение лица:

— Не курю.

У Цзянмяо больше не обращал на него внимания: закулив, он принялся пускать дым прямо перед его лицом.

Лицо мужчины помрачнело, он нахмурился — он терпеть не мог запах табачного дыма.

— Когда ты позовёшь кого-нибудь осмотреть мои раны? Ты мне ногу сломал, если не заняться этим прямо сейчас, она не срастётся нормально.

— Тц, чего ты спешишь? Вчера вечером я предлагал тебе вызвать скорую, так ты же сам не

захотел. Я-то думал, у тебя регенерация как у супергероя.

Этот крашенный парень и правда умел вставить словечко, раз за разом оставляя его без ответа.

— ...Я проголодался, когда можно будет поесть? — Раз уж он находился под чужой крышей, приходилось терпеть!

— Подожди. — У Цзянмяо неторопливо докурил, после чего поднялся и шлёпая шлёпанцами спустился вниз.

Мужчина смутно слышал, как этот невыносимый крашенный парень выкрикивает: «Дедушка, бабушка!».

Спустя несколько минут наверх поднялся седовласый, но бодрый и крепкий старик с медицинской сумкой наперевес. Сам крашенный парень за ним не пошёл.

Первое, что сказал дедушка У, глядя на мужчину:

— Смотрю я на тебя, годы уже не детские, а всё продолжаешь с Мао-цзы дурью маяться!

Мужчина опешил от такого заявления, совершенно не понимая, о чём говорит старик.

— Вечно только и делаете, что промышляете шалостями на стороне, дерётесь да буяните. Вроде взрослый человек, а о нормальной работе и не думаешь.

Дедушка У ворчал себе под нос, но рук не покладая продолжал возиться с делом.

Слушая его, мужчина наконец уловил суть: дед, судя по всему, принял его за одного из беспутных дружков этого крашеного.

Надо полагать, тот желторотый юнец сболтнул старику какую-то выдуманную чушь, вот дедушка У и заблуждался.

— Да, вы правы. После такого урока я твёрдо намерен исправиться и начать жизнь с чистого листа.

— Блудный сын возвратился — дороже всякого золота! Видок у тебя бравый, найти нормальную работу для тебя не составит труда. — Говоря это, дедушка У открыл медицинский чемоданчик и аккуратно разложил лекарства.

— Да, я так и сделаю.

Дедушка У спросил:

— Мао-цзы говорил, что у тебя на голове большая рваная рана, её нужно зашивать?

— Да, вот здесь. — Мужчина поднял руку и откинул чёлку, обнажая рану чуть выше брови. Она была длиной в два-три сантиметра, кровотечение уже остановилось, и рану покрывал толстый слой запёкшейся крови.

— Эх, молодёжь, почему вы в драках совсем берегов не видите? Разве можно бить по голове? — Дедушка У хоть и ворчал, но в его словах сквозила забота, и мужчина не испытывал раздражения.

— Рана довольно большая, корочкой уже почти покрылась. В общем-то, можно и не зашивать, но шрам останется. Ладно, давай-ка промоем и наложим швы заново, раз уж парень видный — негоже портить внешность шрамами. Нынче девчонки на лица смотрят, как бы без жены не остался.

— Хорошо, как скажете, я полностью вам доверяю.

В конце концов, без какой-либо анестезии рану зашили наживую.

Мужчина крепко стиснул зубы, молча снося боль, и покрылся испариной.

Стоило же дотронуться до ноги, как пронзительная боль заставила его тело задрожать и глухо застонать.

Дедушка У прощупывал кости довольно долго, прежде чем смог составить общую картину. Главное — из-за несвоевременного лечения уже появился сильный отёк и гематомы.

— Потерпи, кость сломана, я буду вправлять, будет больно.

С этими словами он засунул ему в рот полотенце, плеснул на ладони немного целебной настойки и принялся растирать ногу.

— У-у-у! — Мужчина зажмурился и впился зубами в полотенце, крупные капли пота скатывались с висков, а тело непроизводительно трясло в судорогах.

Он знал, что будет больно, но не предполагал, что настолько. Эта вспышка боли ударила прямо в макушку, и перед глазами на миг всё потемнело.

Когда кость была вставлена, нанесена мазь и наложена фиксирующая шина, лечение этой ноги

можно было считать завершённым — оставалось лишь дожидаться срастания костей.

Помимо вывиха запястья, на повреждённой руке локоть был сильно ободран, но это пустяки — после промывания и дезинфекции достаточно было лишь нанести мазь.

— Травмы-то у тебя явно не от драки. Наверное, пьяным на мотоцикле разбился? Гоняешь на этой консервной банке с двухколёсными колёсами, вот и допрыгался.

Лодыжка на другой ноге распухла до размеров дрожжевой булочки. Дедушка У сделал ему тёплый компресс и растёр настойкой — судя по всему, встать на ноги он сможет не раньше, чем через пять-шесть дней.

Закончив, старик спросил, не болит ли где ещё чего, но мужчина покачал головой.

Пока дедушка У упаковывал аптечку и убирал со стола, У Цзянмяо, наевшись и напившись, неторопливо поднялся наверх, неся поднос с едой.

— Ах ты паршивец! Ещё раз посмеешь среди ночи шляться где-то, пить и гонять на байках — я тебе вторую ногу переломаю!

Завидев внука, дедушка У тотчас ошетинился, зашевелил усами и обрушил на него град ругательств.

У Цзянмяо ничуть не испугался, лишь ухмыльнулся и поставил поднос на стол:

— Никуда я не гонял и не пил, просто ходил перекусить посреди ночи.

Дедушка У ему, конечно, не поверил. Разве он не знал характер своего внука?

Вот только тот уже вырос, и контролировать его стало труднее. Стань он давить слишком сильно, внук, как и в прошлый раз, взбунтуется и сбежит из дому, пропав на два-три месяца без вести — от этого старики волновались бы ещё сильнее.

Порой этот сорванец казался вполне послушным, но стоило завести нравоучения, как он мог не появляться дома по несколько дней, и никакие крики или наказания не помогали.

Хуже всего пришлось, когда однажды он ввязался в драку на улице и вернулся весь в синяках и ссадинах; узнавший об этом отец отходил его ремнем.

Однако даже побои не помогли — он всё так же упорствовал, становился лишь более непокорным, словно сотканный из одного сплошного упрямства.

Но теперь он подрос и стал намного лучше прежнего. Если не считать походов с друзьями попить пива да погулять, о драках он давно забыл. Каждый день он был на виду дома, что успокаивало стариков.

— Годы идут, а ты всё дурака валяешь. Может, вернёшься в школу, сядешь за парту?

Дедушка У завёл старую песню. Когда внук учился в старшей школе, из-за драки в учебное заведение вызвали родителей. Дома отец устроил ему грандиозный разнос, и именно тогда он сбежал из дома.

Вернувшись, он наотрез отказался продолжать учебу, встав в позу наперекор отцу — упрямый как осёл, от него невозможно было добиться ни слова.

Бросив школу, даже не доучившись в выпускном классе, сейчас, в свои двадцать лет, он наотрез отказывался возвращаться к учебе, как и искать работу.

Правда, от других тунеядцев, сидящих на шее у родителей, он отличался: никогда сам не выпрашивал денег у домашних — всё, что давали, шло исключительно от старшей сестры и бабушки с бабушкой по их собственной инициативе.

Они боялись лишь одного: что у него закончатся карманные деньги и он снова ввяжется в какую-нибудь грязь.

— Не пойду. Ладно, дед, с этим парнем всё в порядке?

У Цзянмяо вовремя прервал старика, иначе тот завёл бы бесконечную пластинку.

Дедушка У, к счастью, больше ничего не сказал и ещё раз напомнил ему о состоянии мужчины:

— До тех пор пока нога не заживёт, не позволяй ему вставать и тем более мочить её. Потерял столько крови — пусть бабушка сварит ему супу, пусть подкрепитя.

Даже считая мужчину сомнительным дружкой своего внука, дедушка У не стал показывать неприязнь и ронять авторитет внука.

— Угу, понял.

Когда дедушка У спустился вниз, У Цзянмяо уселся на диван рядом с мужчиной и, глядя на его жалкий вид, злорадно ухмыльнулся:

— И как ты теперь собираешься двигаться? Как есть-то будешь?

Мужчина молча посмотрел на свои ноги, вытянутые на журнальном столике: обе были временно неподвижны, двигаться могла только правая рука, но при такой низкой высоте столика он никак не смог бы поесть самостоятельно.

Он перевёл взгляд на У Цзянмяо.

<http://bllate.org/book/21420/2187434>